

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(4)=161.1(048)»65»(4-015)

Пенской В.В.

«ТЕМА БЕЗ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой рецензию на недавно вышедшую монографию липецкого историка М. Б. Бессудновой, посвященную истории русско-ливонских отношений в конце XV в. Характеризуя монографию, автор рецензии вместе с тем высказывает свои соображения относительно особенностей процесса выстраивания отношений между Ливонской конфедерацией и Русским государством в этот период.

Ключевые слова: Русское государство; Ливония; русско-ливонские отношения.

MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

UDC 94(4)=161.1(048)»65»(4-015)

Vitaly V. Penskoy

«A PROBLEM WITHOUT RESEARCH»

Penskoy Vitaly Viktorovich, *Doctor of Historical Sciences, Professor*
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

ABSTRACT

The article is a review of the recently published monograph of Lipetsk historian Marina B. Besudnova. The monograph is devoted to the history of Russian-Livonian relations at the end of the XV century. When giving a review on the monograph the author expresses his opinion on the characteristics of the process of building relationships between the Livonian Confederation and Russian state in this period.

Key words: Russian State; Livonia; Livonian-Russian relationships.

Мы не случайно вынесли в заголовок рецензии название одного из разделов монографии липецкого историка М.Б. Бессудновой о русско-ливонских отношениях конца XV в. [2], ибо, пожалуй, в этих словах заключен основной смысл этой работы. Действительно, при всей значимости русско-ливонских отношений для русской истории (как всей русской земли в целом, так и ее северо-западной окраины – Псковщины и Новгородчины), тема эта исследована крайне слабо. Как справедливо отмечает исследователь в обстоятельнейшем историографическом обзоре в начале своей работы, «современные представления о Русско-ливонской войне 1501–1503 гг. и о трех десятилетиях, которые ей предшествовали, содержат еще больше “белых пятен”, чем история Ливонской войны, а по уровню насыщенности мифами ее превосходят. Цицероновский постулат “История есть служанка политики” в процессе изучения русско-ливонских отношений конца Средневековья и раннего Нового времени проявлялся в виде устойчивой, долговременной традиции». И, как итог, с сожалением констатирует автор, «традиция эта породила и имплантировала в общественное сознание такое множество ложных концептов, аксиоматичных утверждений и мифологем, что с ними подчас не может справиться объективная логика современного научного знания» [2, с. 19].

С этим утверждением трудно не согласиться, будучи даже мало-мальски погруженным в тему, а по прочтении введения (повторим еще раз: весьма и весьма обстоятельного) – и подавно. На почти двух с половиною десятках страниц историк последовательно, шаг за шагом раскрывает (и это, несомненно, одно из достоинств рецензируемой монографии), как эта традиция политизированного и мифологизированного освещения русско-ливонских отношений складывалась и развивалась, превращаясь в монолит, причем с обеих сторон – и с русской (позднее советской), и с немецкой (немецко-прибалтийской). И трудно не согласиться с мнением исследователя, когда она пишет о том, что «русско-ливонский конфликт рубежа XV–XVI вв. (от себя добавим: и вообще вся история русско-ливонских отношений, начиная с конца XII в, когда началась немецкая колонизация При-

балтики, до XVI в. и позднее – В.П.) никогда не был объектом непредвзятого изучения, но традиционно использовался для построения моделей, контуры которых определяются политикой». Тем более важна предпринятая историком попытка отойти от этих жестких, продиктованных соображениями сиюминутной политической выгоды рамок освещения русско-ливонских отношений, взглянуть на стародавние события максимально отстраненно, *sine ira et studio*, преодолеть «рудименты “теории противостояния” двух миров-антиподов, какими вот уже много столетий представляются “Старая Ливония” и Русь...» [2, с. 42].

Насколько удалась эта попытка – судить, конечно, читателям монографии. Мы же хотели выделить ряд ее, на наш взгляд, несомненных достоинств и дополнить их своими соображениями, которые родились по ходу чтения книги, строго в рамках тезиса, выдвинутого автором исследования: «Так, может, вместо исконного “кто виноват?” задаться вопросом “как это случилось?” – и попытаться прояснить его, исходя из состояния противоборствующих сторон – Московской Руси и Ливонии, а также всего спектра межгосударственных отношений, сложившихся в Балтийском регионе к концу XV столетия...» [2, с. 42].

Итак, о достоинствах монографии. Поставив перед собой задачу преодолеть рудименты «теории противостояния», автор последовательно стремится их преодолеть, развенчивая складывавшиеся веками мифы и штампы. Прежде всего М.Б. Бессуднова, едва ли не первой в отечественной (и уж в современной – совершенно точно) историографии, попыталась дать ответ на вопрос – а что, собственно говоря, представляла собой Ливония на исходе Средневековья, накануне столкновения с молодым гигантом – Русским государством? Была ли она неким монолитом, единым (насколько это возможно было в ту эпоху) территориально-политическим образованием или же нет. И те отдельные намеки и идеи, ранее мелькавшие в отечественной литературе относительно того, что Ливония – это не только и не столько Орден, сколько целый ряд других образований, находившихся с Орденом и друг с другом в достаточно сложных отношениях, здесь приобретают законченный вид. Точно так же автор

монографии подвергает анализу и само состояние Ордена (традиционно в нашей литературе он именуется Ливонским, хотя, как указывает исследователь, это не совсем верное его наименование) во 2-й половине XV в. И, тщательно охарактеризовав внутреннее состояние Ордена и «старой Ливонии» к исходу XV в. в целом как «внутри» (внутриливонские отношения), так и «снаружи» (Ливония в системе балтийских и европейских, точнее, северо-европейских отношений), М.Б. Бессуднова приходит к выводу, неожиданному и не характерному для всей предшествующей отечественной историографии: Ливония в целом и Орден в частности отнюдь не стремились к агрессивной политике по отношению к растущему Русскому государству по причине, продиктованной недостаточностью ресурсов (любых – людских, материальных, экономических, административных и иных) для такого рода экспансионистской политики [2, с. 410].

Позиция автора по этому поводу вообще заслуживает отдельного разговора, поскольку имеет серьезные отличия от той, которую раньше занимали отечественные (да и зарубежные) историки. Не можем не процитировать весьма примечательное ее высказывание (на наш взгляд, заслуживающее внимания и имеющее немалые перспективы для дальнейшей разработки): «Европейские конфликты Нового времени, в изобилии возникавшие на фоне стремительно менявшейся геополитической обстановки, невозможно рассматривать в плоскости исключительно двусторонних отношений. Все они, как правило, являлись производными сложного сочетания предпосылок, зачастую не подлежащих классификации в поле относительных понятий, как “позитив” и “негатив”...» [2, с. 409]. К несчастью для Ливонии, она оказалась в сфере внимания сразу нескольких великих держав – в первую очередь Русского государства и Великого княжества Литовского, соперничавших за доминирование в Восточной Европе. И это не считая Священной Римской империи, Ганзейского союза, Швеции и Дании, также имевших свой интерес в «ливонском» вопросе. В конечном итоге их соперничество сыграло роковую роль в судьбе Ливонии, а события конца XV в., как показывает на страницах I раздела своего исследования М.Б. Бессуднова, стали своего

рода прообразом того, что ожидало Ливонию в XVI в., «веке экспансии» [5, с. 33], в котором ее не ожидало ничего хорошего.

В этом плане становится понятным, почему исследователь уделяет столь большое внимание (глава в I разделе, большая часть IV раздела и на протяжении немалой части II главы) фигуре Вальтера фон Плеттенберга, магистра Ордена и одного из главных действующих лиц в регионе в конце XV – начале XVI вв. Конечно, сегодня трудно сказать однозначно, какие помыслы двигали магистром, чем мотивировал он те или иные свои действия как глава Ордена, но создается впечатление, что Плеттенберг каким-то шестым чувством сумел понять еще только намечавшиеся политические тенденции и постарался, играя на противоречиях основных игроков на политической сцене Восточной и Северо-Восточной Европы, сохранить «старину» и тем самым продлить существование «старой» Ливонии. Во всяком случае, такой вывод можно сделать из последовательно разворачиваемой М.Б. Бессудновой картины внешне- и внутриполитических деяний магистра.

Но была ли выбранная Плеттенбергом политика отвечающей интересам Ливонии в долговременной перспективе? Любопытна с этой точки зрения выдержка из письма прусского герцога Альбрехта королю Польши Сигизмунду. В 1526 г. он писал, что «поскольку этот человек (магистр – В.П.) стар, следует, вероятно, принять во внимание его скорую смерть; сословия, епископства, города и прочие места в стране (Ливонии – В.П.) находятся в разладе и вплоть до сего дня пребывают в состоянии покоя только из-за любви, которую они питают к господину магистру, и страха. Но когда наступит его смерть, всякий, без сомнения, станет править, как ему заблагорассудится» [2, с. 130]. И эта выдержка наглядно показывает грядущий крах всей политики «разумного консерватизма» Плеттенберга. Выбранный им курс «заморозки старины» оказался в итоге губительным для Ливонии. Пытаясь сохранить несохранимое, магистр тем самым, по существу, поставил точку в исторической перспективе Ливонии. Он отказался переформатировать статус Ливонской конфедерации (впрочем, не только он один – все ливонские ландсгерры и город-

ской патрициат оказался в итоге не на высоте, и М.Б. Бессуднова это показывает в своей работе – партикулярность победила общий, стратегический интерес) тогда, когда это еще было возможно с минимальными потерями. Хотя, с другой стороны, остается вопрос – а возможна ли была эта переформатировка в то время? Можно привести пример ливонского магистра И.В. фон Херзе, который попытался было реформировать Орден за двадцать лет до Плеттенберга, но потерпел неудачу. Но, с другой стороны, после достаточно успешной для Ливонии войны 1501-1503 гг. с Русским государством Плеттенберг мог испытать судьбу и реформировать и Орден, и Ливонскую конфедерацию, но не решился на этот шаг – если рассматривал его вообще. Стать вассалом Дании или Польши, подобно последнему магистру прусского отделения Немецкого ордена Альбрехту, Плеттенберг не захотел, Империя от него де-факто отказалась, а с Москвой Плеттенберг категорически не хотел иметь, скажем так, «близких» (не говоря уже о вассальных) отношений. И эта отсрочка принятия неизбежного решения, освященная магией имени Плеттенберга, и привела в конечном итоге к роковому для Ливонии концу. Борьба между магистром Ордена В. фон Фюрстенбергом, попытавшимся продолжить курс Плеттенберга в новых, изменившихся условиях (не обладая при этом авторитетом и политическим весом покойного магистра), и его коадьютором и будущим преемником Г. Кеттлером, ориентировавшимся в своей политике на пример Альбрехта Прусского, привела в конечном итоге к разделу «старой Ливонии» между ее соседями и ее гибели (тогда как Пруссия сумела сохраниться в качестве единого целого).

Но вернемся к книге. В двух основных главах, II и III, имеющих характерные названия «Война или мир?» и «Ни мира, ни войны», автор исследования подвергает анализу состояние и развитие русско-ливонских отношений в последней четверти XV в. – накануне русско-ливонской войны 1501-1503 гг. И здесь также нетрудно заметить своего рода «красную нить», главный тезис, являющийся ключевым, с точки зрения исследователя, для понимания сущности происходящего. Суть его в том, что до поры до времени Псков и Великий Новгород, сохраняя независимость, играли в

отношениях Русской земли с Западом (через Ливонию) роль своего рода буфера, смягчавшего неизбежные при прямом столкновении двух разных культур и ментальностей конфликты. Однако, развивая свою мысль дальше М.Б. Бессуднова, с подчинением Новгорода власти Москвы и установлением московского протектората над Псковом «главным фактором, который предопределил развитие русско-ливонских противоречий, стало разрушение традиционного порядка общения между православным и католическим пространством («мирами»), который складывался веками и предусматривал своеобразный «адаптер», в роли которого выступали Великий Новгород и Новгородская земля, а также Псков [а от себя добавим – с «той» стороны таким «адаптером»-буфером выступала, выходит, Ливония]. Присоединение Новгорода к Московскому государству и установление его протектората над Псковом вызвало разрушение этой органичной композиции...» [2, с. 428-429]. И этот тезис, по нашему мнению, является своего рода «изюминкой» монографии и имеющим большие перспективы – причем в различных аспектах, в частности, применительно к изучению истории Новгорода и Пскова как самостоятельных территориально-политических образований и как вошедших в состав Русского государства земель.

Вместе с тем, принимая тезис автора о Новгородчине и Псковщине с одной стороны, а с другой – Ливонии (выделенное добавлено нами – В.П., ибо М.Б. Бессуднова, судя по всему, Ливонию таковой зоной не считает, что, по нашему мнению, неверно) как своего рода буферной зоне между миром православия и миром католичества, Востоком и Западом, хотелось бы изложить свои соображения по этому поводу. Безусловно, появление в устоявшихся взаимоотношениях Новгорода-Пскова и Ливонии-Ганзы «третьей силы» в лице Москвы неизбежно вело к коренному изменению баланса сил и обстановки на стыке двух миров. Но вот исчез ли в результате этого пресловутый «буфер»? Автор книги полагает, что Иван III осуществил своего рода «подгонку» общественного уклада Новгорода к московскому «стандарту». Но так ли это? Да, Иван осуществил выселение значительной части новгородской элиты, а на конфискованных землях рассадил своих

«шестников», провел инвентаризацию земель и перепись. Но была ли этим ликвидирована новгородская «старина» полностью, и приведена ли этими мерами Новгородчина к московскому «стандарту» (а и был ли тот московский «стандарт» вообще)? И этот вопрос относится не только к эпохе Ивана III, но и к временам более поздним – к примеру, к правлению Ивана IV. Даже если предположить, что Иван III провел радикальные политические реформы с тем, чтобы ликвидировать даже в зародыше возможные сепаратистские поползновения Новгорода, то ликвидировал ли он, предположим, экономические основы этого сепаратизма? Насколько выросла «связность» Новгорода и Москвы, насколько прочно Новгород был встроен в экономические и властные структуры Русского государства после преобразований Ивана III? В этой связи стоит отметить, что в современной отечественной историографии существует мнение о том, что Новгород и на протяжении большей части XVI в. сохранял определенную, достаточно высокую, степень автономии, и не только во внутренних делах [1], но и, похоже, во внешних [см., напр.: 3; 4; 6].

То же касается и Пскова – насколько здесь была ликвидирована «старина»? Ведь не прилагая особых усилий, можно подобрать немало признаков сохранения «самости» и Новгорода, и Пскова не только на рубеже XV–XVI вв., но и много позже. По всему выходит, что если Иван III и покушался на новгородско-псковскую «самость», то в весьма ограниченных масштабах, руководствуясь, прежде всего, мотивами политическими – привязывая благоприобретенные «отчины» к Москве политически, не покушаясь на внутренние основания их существования. И как бы он это сделал, если у Москвы не было на то ни сил, ни средств, прежде всего того самого административного ресурса – его и на самой Москве на тот момент, и много позднее тоже, было немного. Добившись на первых порах военной централизации, Москва очень долго была вынуждена мириться с отсутствием централизации политической, идя на соглашения и компромиссы с местными элитами, и в итоге, что при Иване III, что при его внуке, она оставалась «лоскутной» монархией. Осуществленный же Иваном III «перебор людишек» позволял решить главную на тот

момент задачу – ликвидировать возможность появления оппозиции и угрозу утраты территорий, тогда как сохранение «старины» в ее основаниях гарантировало лояльность основной массы «земли». По отношению к Новгороду это тем более примечательно, ибо, похоже, что к концу существования независимого Новгорода интересы боярской олигархии и «земли» начали существенно расходиться, что и обусловило в конечном итоге падение Новгорода. Однако при этом сохранялись и фундаментальные «корни» сепаратизма, которые рано или поздно должны были дать свои «вершки». Поэтому мы склоняемся к мысли о том, что «буфер» все же остался, но потребовалось время на его переформатирование и «притирку» старых его составных частей и элементов с новыми.

Кстати, в этой связи стоит отметить, что после войны 1501–1503 гг. в русско-ливонских отношениях наступает длительный, более чем полувековой период мирных отношений. Конечно, временами возникала напряженность, но до войны дело все же не доходило. И это может служить косвенным свидетельством того, что переформатирование системы политических отношений в регионе, осуществленное в конце XV – начале XVI вв., в Москве сочли вполне удавшимся, и сложившаяся ситуация ее устраивала. Что обращает на себя внимание, так это особый статус Новгорода и Пскова в отношениях с Ливонией и ливонскими ландсгеррами: русско-ливонские связи были отданы на откуп новгородским и псковским наместникам. Они, конечно, назначались Москвой, но насколько велика была степень их зависимости от столицы?

Последняя глава исследования М.Б. Бесудновой, как следует из ее названия «На пути к войне», характеризует политику ливонских ландсгерров, и прежде всего Плеттенберга, в критический для русско-ливонских отношений момент – конец XV в. Рассматривая причины, по которым Русское государство и Ливония, изначально, по мнению автора исследования [2, с. 414], не рассматривавшие себя как противники, в конечном итоге оказались в состоянии войны, историк выдвинул ряд любопытных соображений, заслуживающих того, чтобы привести их здесь. Во-первых, своего рода «бомбу» под русско-ливон-

ские отношения заложил, как это ни парадоксально, Псков. «В первой половине XV в. в связи с успехами псковской внутренней колонизации обстановка на границе стала стремительно накаляться. Возникла “проблема Пурнау”, оказавшаяся неразрешимой из-за обоюдных претензий на эту область Ливонского ордена и Пскова» [2, с. 412]. Псков, будучи не в силах взять эту область под свой контроль своими силами и не имея поддержки со стороны Новгорода, обратился за помощью к великому князю московскому и получил эту помощь. В итоге Москва оказалась втянута в пограничные разборки на не самом приоритетном для нее внешне-политическом направлении, которые, как оказалось, имели для нее далеко идущие последствия. И отказаться от поддержки Пскова Иван III не мог – потеря лица могла обойтись очень дорого. Не правда ли, ситуация, сложившаяся тогда на псковско-ливонской границе, имеет немало параллелей и в наше время?

Во-вторых, последовательно проводя политику по инкорпорации Новгорода и Пскова в структуры формирующегося Русского государства, Иван III своими действиями невольно (ибо сама политика Ивана в качестве идеологического фундамента имела своей целью восстановление именно «старины» в том ее смысле, в каком ее понимали московские политические круги) разрушал де-факто привычную для всех участников политических и торговых отношений ситуацию в регионе. И этот объективный по своей сути процесс вызвал и у ливонцев, и у ганзейцев страх и ужас. В их сознании, пишет историк, «возник образ грозного московского тирана (выделено нами – В.П.)...» [2, с. 413]. И когда Иван начал перестраивать систему политических и экономических отношений с учетом своих имперских интересов и амбиций (вполне, впрочем, понятных – выступив одним из участников системы отношений, ранее его интересы не учитывавшей, он желал их изменить под себя, с тем расчетом, чтобы теперь в этом хоре звучал и его голос, и не на вторых ролях – политический и военный потенциал Русского государства, не сравнимый ни с ливонским, ни с ганзейским, ни со шведским или датским, давал ему на это

полное право), страхи и негативные образы воплотились в виде «Rusche gefahr», «русской угрозы» [2, с. 419-423]. Эта «Русская угроза», корни которой автор ищет (на наш взгляд, обоснованно), в ситуации, сложившейся в конце XV в. в Прибалтике, дальше начинает жить своей жизнью, усердно подогреваемая и Орденом (определенные круги которого нашли в этом *raison d'être* [2, с. 384-385, 387, 400-403]), и заклятыми друзьями московских Калитичей – польско-литовским Ягеллонами.

В этой связи подчеркнем еще раз, что не только Новгород и Псков были буферной зоной, но и Ливония тоже. И Москву она интересовала прежде всего именно в этом качестве. Конечно, всякая историческая аналогия хромает, но представляется, что здесь вполне уместна была бы аналогия с позицией Санкт-Петербурга по отношению к Речи Посполитой в XVIII в. И для Ивана III, и для его сына и внука, Ливония, слабая и раздробленная, не способная сплотиться внутри и выступить как единая сила, была нужна именно в роли буфера и своего рода витрины, канала, посредством которых Москва могла бы осуществлять политические и экономические связи с Западом – в особенности если Ливония занимала бы по отношению к Москве если не дружественную, то хотя бы благожелательную позицию, гарантируя московским купцам и дипломатам «путь чист» в обе стороны и бесперебойное поступление в Россию стратегически важных товаров и сырья. Примечательно: ведь Иван IV, отправляя свои полки в январе 1558 г., вовсе не имел своей целью (во всяком случае, на первых порах), покорения Ливонии и аннексии большей части ее территории (хотя он мог бы заявить свои претензии – и потом сделал это – на Юрьев (Дерпт) как на старинную свою «отчину»). И даже по мере эскалации конфликта он всячески уклонялся от введения прямого правления в оккупированной его войсками части Ливонии (за исключением Дерпта), предлагая роль своего вассала и «голдовника» то предпоследнему орденскому магистру Фюрстенбергу, то датскому принцу Магнусу. Кстати, М.Б. Бесуднова в своей работе сообщает весьма любопытную подробность – будущий император, а тогда римский король Максимилиан Габсбург предложил Ивану III взять под свое

покровительство оба, прусское и ливонское, отделения Немецкого ордена и вместе с ними ряд немецких городов Поморья [2, с. 185]. Не отсюда ли произрастает стремление Ивана IV иметь «своего» государя в Ливонии? И, возвращаясь к проблеме, отметим, что мы полагаем – решение Ивана IV вторгнуться в Ливонию было принято во многом по той причине, что Сигизмунд II вместе с его вассалом, прусским герцогом Альбрехтом, форсировали подготовку инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства по прусскому образцу. Полагая невозможным допустить аннексию этой территории своим противником (и тем самым установление более жесткой, чем ранее, блокады Русского государства), Иван и был вынужден пойти на такой шаг, не отвечавший его стратегическим интересам.

В общем, тезис об уничтожении «контактной зоны» Иваном III для нас представляется недостаточно убедительным. Подчеркнем – скорее всего, речь может идти об определенном переформатировании этого «буфера» с учетом новой политической реальности и соответствующей иерархии.

И еще один тезис, вызывающий определенные сомнения, – относительно той доктрины, которой руководствовался Иван III в своих действиях. М.Б. Бессуднова полагает, что Иван III заимствует концепцию *via regia* из Византии, со всеми полагающимися «довесками» к ней, в том числе и защиты православных везде, где они пребывают [2, с. 417]. Не есть ли это некое домисливание за Ивана его ментальных установок историком позднейших времен, некая модернизация минувшей действительности? Каким реально влиянием обладали русские книжники той поры на сознание Ивана III и его советников (а именно они могли такую идею продюсировать и индуцировать эту идею в сознание московского политикума – «книжность» самого Ивана, в отличие от его внука, вызывает определенные сомнения)? И где есть указания на то, что именно этой концепцией высшей, «императорской» власти, пользовался Иван III (нельзя же его знаменитые слова о поставлении свыше искони, сказанные Николаю Поппелю, полагать таковыми основаниями!)? По нашему мнению, сохранив-

шиеся документы не позволяют делать столь однозначные выводы относительно того, какими высшими идеями и установками руководствовался Иван III, определяя свой внешнеполитический курс.

Завершая рецензию, отметим, что достоинства книги можно перечислять еще долго, ибо, подчеркнем это еще раз, по нашему однозначному мнению, это первая в современной отечественной историографии работа, в которой подвергнуты детальному анализу взаимоотношения Русского государства, включая Новгород и Псков, и Ливонской конфедерации в конце XV века, в канун первой масштабной войны между Москвой и Ливонией. Можно много комментировать высказанные ее автором мысли и идеи. Обилие фактического материала, по большей части нового (ибо ливонские документы, опубликованные в большом количестве еще в XIX в., у наших историков не в чести), стремление по возможности объективно подойти к освещению событий с учетом пресловутой «ментальности» и «ментальных установок» той и другой сторон, – несомненные плюсы работы, делающие честь автору как историку и исследователю. Неординарность же подходов и стремление взглянуть на ситуацию, поднявшись над политическим конъюнктурами прошлого и настоящего, только способствуют желанию обсудить с автором монографии поднятые им проблемы и тем самым содействовать дальнейшим изысканиям в этом направлении. Конечно, при желании в работе можно найти и недостатки, но их можно объяснить, к примеру, тем, что русские документы и источники по истории русско-ливонских отношений сохранились в значительно худшей степени, нежели ливонские. Затрудняет работу с текстом отсутствие указателей, именного и географического прежде всего, да и словарь используемых терминов не помешал бы. Но эти недостатки, легко устранимые при подготовке 2-го издания монографии, отнюдь не портят благоприятного впечатления от представленной на суд заинтересованной публики, как профессионалов, так и любителей, работы, знаменующей новый этап.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенцианов, М.М. Дети боярские «Новгородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 241-277.
2. Бессуднова, М.Б. Россия и Ливония в конце XV века: Истоки конфликта. М.: Квадрига, 2015. 448 с.+илл.
3. Дорошенко, В.В. Русские связи таллиннского купца в 30-х годах XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 49-52.
4. Курукин, И.В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М.: Квадрига, 2015. 192 с.
5. МакКенни, Р. XVI век. Европа. Экспансия и конфликт. М.:РОССПЭН, 2004. 480 с.
6. Шапошник, В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30-е – 80-е годы XVI века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 569 с.

REFERENCES:

1. Bentsianov, M.M. The Landlords' Children. «Novgorod Landlords.» Novgorod Servitors Corporation at the End of XV – the MID. of the XVI Century. *Problems of Russian History. Vol. 3. Novgorod Rus': Historical Area and Cultural Heritage*. Ekaterinburg, 2000. Pp. 241-277.
2. Bessudnova, M.B. *Russia and Livonia in the Late XV Century: the Conflict Origin*. M.: Kvadriga, 2015. 448 p.+ Fig.
3. Doroshenko, V.V. Russian Ties of Tallinn Merchant in the 30s of the XVI Century. *Baltic Economic Ties with Russia*. Riga, 1968. Pp. 49-52.
4. Kurukin, I.V. *Life and Works of Sylvester, the Mentor of Ivan the Terrible*. M.: Kvadriga, 2015. 192 p.
5. McKenny, R. *XVI Century. Europe. Expansion and Conflict*. M.: ROSSPEN, 2004. 480 p.
6. Shaposhnik, V.V. *Church and State Relationships in Russia in the 30s-80s of the XVI Century*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2006. 569 p.